

Ядерное нацеливание: первые 60 лет

Арджун Макхиджани,

директор Вашингтонского института
проблем окружающей среды и энергетики

5 мая 1943 г. состоялось первое заседание Военно-политического комитета Манхэттенского проекта, посвященное обсуждению потенциальных целей для готовящейся атомной бомбы. До этого ученые, принимавшие участие в Манхэттенском проекте, работали над бомбой только для того, чтобы опередить Гитлера. Но эта встреча стала первым официальным сигналом о том, что правительство рассматривает проект в гораздо более широком плане – это оружие могло быть использовано не только для сдерживания фашизма, но и для установления и поддержания нового мирового порядка после окончания войны, который диктовали бы США. Демонстрация этой власти 6 августа 1945 г. привела к чудовищным военным, политическим, социальным, моральным и юридическим последствиям, природу которых мы только теперь начинаем понимать.

Вместо обеспечения долгосрочного мира бомба создала иллюзию безграничной власти и еще больше подхлестнула рост насилия, нарушений прав человека. Погоня за обладанием и распоряжением ею едва не привела к уничтожению всего мира. И все же формула:

“атомная бомба = полный контроль”

до сих пор существует, и, учитывая наблюдающееся в последнее время ослабление контроля над вооружениями, опасность такого подхода будет только расти.

Непредвиденные для мировой политики последствия Манхэттенского проекта превзошли все ожидания. Например, Гарольд Юри, ведущий ученый проекта, считал, что если Гитлер получит атомную бомбу, то “война будет окончена за две недели”. Во время победоносного шествия по всей Европе Гитлеру просто нельзя было позволить единолично завладеть атомной бомбой.

Вопросы, связанные с созданием атомной бомбы, начали втайне рассматривать только после 5 мая 1943 г. Атомная бомба стала основой особой стратегической политики, сосредоточенной на ядерных материалах и их возможностях.

На заседании Военно-политического комитета Манхэттенского проекта

пять его членов (директор Отдела по научным исследованиям и развитию Ванневар Буш, председатель Национального комитета по оборонным исследованиям Джеймс Конант, адмирал У.Р.Парнелл, генерал Вильгельм Стайер и руководитель Манхэттенского проекта генерал Лесли Гровс) решили не наносить первый удар по Германии.

Они исходили из тех соображений, что если бомба случайно не взорвется, то в этой стране с ее большими научными возможностями сохранившийся ядерный материал будет использован для создания собственной бомбы. Поэтому они решили сбросить бомбу на японский флот, базировавшийся в районе о-ва Трук в Тихом океане, чтобы в случае неудачи невзорвавшаяся бомба затонула на дне океана¹.

На этом историческом совещании присутствовали только официальные участники Манхэттенского проекта. Военачальники Второй мировой войны на нее приглашены не были. Никто из них не входил в состав Военно-политического комитета, и нет никаких свидетельств, что с кем-нибудь из них консультировались. На самом деле, когда принималось решение о выборе первой цели для нанесения удара, ни генерал Дуайт Эйзенхауэр, ни генерал Дуглас Маккартур даже не знали о существовании Манхэттенского проекта. Более того, даже ученые, принимавшие участие в Манхэттенском проекте, например, эмигранты Ганс Бете и Лео Сцилард, не были посвящены в эту тайну и продолжали работать с мыслью о том, что надо помешать Гитлеру первым получить ядерное оружие.

В течение 1944 г. атомная разведка США собрала достаточно убедительных доказательств того, что в Германии не было сколько-нибудь действенной программы по созданию атомной бомбы. К началу декабря 1944 г., когда американские войска заняли часть Германии, в этом уже не было сомнений.

К январю 1945 г. участникам Манхэттенского проекта стало ясно, что Гитлер может быть разгромлен до того, как атомная бомба будет создана. Только тогда ученые поняли, что целью станет Япония. Некоторые из них пытались предотвратить бомбардировку городов, но большинство молчало.

Тогда Джозеф Ротблат, польский ученый-эмигрант, работавший в Лос-Аламосе, вышел из этого проекта – единственный из всех его участников.

Программа по созданию атомной бомбы стала самоцелью. Эту бомбу надо было применить только потому, что ее уже изготовили. Огромные расходы необходимо было оправдать чем-то большим, чем простыми мерами сдерживания, предпринятыми из предосторожности. Результаты научной и инженерной работы надо было продемонстрировать проведением ядерных испытаний. Ответы на технические вопросы о разрушительной силе атомных бомб можно было получить только при бомбардировке городов. Силу бомбы надо было показать всему миру, в особенности, Советскому Союзу.

Идея о том, что Соединенные Штаты могли бы воспользоваться монополией на атомную бомбу, чтобы перестроить мир по-своему формально была высказана Генри Л.Стимсоном, военным министром во время Второй мировой. После смерти президента США Ф.Д.Рузвельта в обязанности Стимсона входило информирование президента США Гарри Трумэна о работе над Манхэттенским проектом.

25 апреля 1945 г. Стимсон сказал Трумэну: "Если проблема правильного использования этого оружия будет решена, мы получим шанс устроить мир таким образом, чтобы спасти его и всю нашу цивилизацию".

Первыми экспериментами по "правильному использованию" стали бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Быстрое окончание войны после этих бомбардировок создало вокруг Соединенных Штатов ауру полного военного успеха. Этот успех затмил собой и ту роль, которую сыграло в капитуляции Японии объявление ей войны Советским Союзом (8 августа 1945 г.), и тот факт, что японцы были готовы к капитуляции уже в июле.

Массированные воздушные бомбардировки зажигательными бомбами,

обратившие в пепел японские города в начале 1945 г., теперь предполагалось заменить устрашающим действием единственной атомной бомбы, сброшенной с одного самолета. Это должно было также стать демонстрацией силы для Советов. И Сталин понял это. После Хиросимы по его приказу работы по созданию атомной бомбы стали вестись с головокружительной быстротой.

Вместо того, чтобы объявить об успешном завершении и закрытии Манхэттенского проекта, генерал Гровс развернул его еще шире. Он настаивал на том, чтобы бомба была создана в назначенные сроки и применена против Японии, которая, как он заявил в апреле 1945 г., “всегда” была целью.

Официальные послевоенные заявления об огромном количестве спасенных американских жизней были преувеличены и не имели отношения к официальным оценкам потерь американских войск в ходе конфликта. Но американцы, почувствовавшие облегчение от того, что жестокая война заканчивается, поверили им. Так наряду с ужасом бомбардировок появилась и привлекательная сторона в использовании мощи атомной бомбы.

Спустя 60 лет после того, как антифашистская направленность Манхэттенского проекта сменилась деструктивными целями, популярность представления о том, что атомная бомба – реальное средство осуществления власти, продолжает расти.

Спустя десятилетие после окончания “холодной” войны северная Корея угрожает ядерной.

Осама бен Ладен, публично заявляя о своих ядерных амбициях, обосновал свою решимость пожертвовать невинными людьми, напоминанием о Хиросиме.

Индия и Пакистан угрожают друг другу ядерным оружием, а их войска стоят друг против друга по обе стороны гористой замерзшей границы, буруемые религиозными и националистическими страстями.

Россия и Соединенные Штаты вместе имеют на вооружении 4000 боеголовок в состоянии полной боевой готовности, которые в течение минут могут быть запущены. Это держит мир на грани взаимоуничтожения. Обе страны настаивают на необходимости такого арсенала, несмотря на то, что “холодная” война уже давно закончилась.

В январе 1995 г. из-за ошибочных расчетов за несколько минут мир оказался на грани полномасштабной ядерной войны – исследовательская ракета, запущенная из Норвегии, была принята Россией за настоящую американскую ядерную.

Сегодня перед миром встает очень конкретный вопрос: победит ли воля тех, кто обладает разрушительной силой, стоит над властью закона и правосудием. Кто отвергает права человека, демократию, законы войны, охрану окружающей среды и даже здравый смысл, выступающий против усугубления риска ядерного терроризма и случайной ядерной войны?

Во имя национальной безопасности ядерный истеблишмент ниспроверг власть закона и демократии, в которой существовал сам.

В 1989 г., в конце “холодной” войны, заместитель министра энергетики США У.Хенсон Моор подверг критике предыдущие администрации за то, что они строили отношения с ядерным истеблишментом “на основе секретности, а не на основе подчинения закону”. Он сказал, что правительство и его подрядчики управляли заводами по производству оружия исходя из принципа: “Это наше дело, это вопрос национальной безопасности, и все остальные в это не должны вмешиваться”². Под “всеми

остальными", конечно, имелись в виду граждане Соединенных Штатов.

Правительства ядерных держав подвергли риску собственных рабочих, граждан и солдат. Например, Комиссия США по атомной энергии и ее подрядчики скрывали от рабочих, что их труд сопряжен с большой опасностью. Частично это делалось и для того, чтобы не выплачивать рабочим надбавки за вредность. В Советском Союзе многие рабочие на реакторах и заводах по выделению плутония получили очень высокие дозы облучения.

Правительства ядерных держав облучали людей, живущих с подветренной стороны от испытательных полигонов и ядерных производств. Они скрывали это.

В результате атмосферных испытаний в Неваде и Казахстане ядерные державы нанесли ущерб здоровью своих людей, утверждая, что радиоактивные осадки не причинят им вреда. (Эта ложь называлась "переобучением", направленным на преодоление "истерических и панических настроений, столь распространенных в настоящее время". Так выразился один из американских военных офицеров, участвовавших в этих испытаниях).

Уверяя людей в том, что ядерные испытания не представляют радиационной опасности, военные продумывали возможность использования радиоактивного заражения как боевого средства после ядерного взрыва.

Объединенный комитет начальников штабов представил очень выразительное описание испытаний 1946 г. на о-ве Бикини*: "Мы даже не можем в полной мере представить себе все бедствия, которые обрушатся на современный город в результате взрыва одной или нескольких бомб и выпадения радиоактивных осадков. Из тех, кто сразу не погибнет от взрыва бомбы, одни умрут от лучевой болезни через несколько часов, другие – через несколько дней, третьи – через несколько

лет. ... Пережив ужас взрыва, тысячи людей в страхе будут ждать смерти, не зная, когда она их достигнет"³.

В период максимального атомного производства в 50-х годах США производили около 10 плутониевых зарядов в день на предприятии Роки-Флэтс, что в 16 милях с противоветренной стороны от Денвера. Максимальный размер американских арсеналов достигал почти 32000 бомб.

Один из американских стратегических военных ядерных планов в середине 50-х годов предусматривал использование примерно 750 атомных бомб. Считалось, что этого количества будет достаточно, чтобы превратить Россию в "груды дымящихся, радиоактивных развалин в течение двух часов"⁴. Советы побили этот "рекорд" – их максимальный арсенал составлял более 40000 бомб.

Широкомасштабная ядерная программа была начата в США как часть пропаганды "холодной" войны⁵. В результате гонки вооружений, ядерных арсеналов было накоплено больше, чем их требовалось для разрушения всех городов мира. Продолжалась также своеобразная гонка, чтобы придать атому миротворческий имидж.

В результате мы теперь имеем около 2000 т плутония, из которого можно сделать примерно 400000 атомных бомб, а при использовании высокоэффективных технологий – намного больше.

Примерно четверть этого количества составляет обогащенный плутоний, уже готовый для производства бомб. Остальной плутоний можно обогатить с помощью химической переработки. Именно этим сейчас и занимается Северная Корея, выдавая свою программу по созданию ядерного оружия за программу создания атомных станций.

Соединенные Штаты и Россия извлекают плутоний в рамках своих программ по

* Операция "Перекресток" была проведена в июле 1946 г. на атолле Бикини с целью осуществления первого ядерного испытания после окончания Второй мировой войны.

переработке ядерных отходов. Великобритания, Франция, Япония и Индия занимаются этим ради коммерческой выгоды, хотя один ведущий японский политик заметил, что Япония могла бы изготовить из своего коммерческого плутония несколько тысяч бомб.

Решимость великих держав обладать ядерным оружием по-прежнему неизменна. В качестве потенциальных целей ядерного удара Соединенные Штаты назвали семь стран, в том числе Северную Корею. Включение Северной Кореи в этот список, приведенный в “Обзоре ядерной политики США” (“*The Nuclear Posture Review*”), было прямым нарушением американо-северокорейского пакта 1994 г., согласно которому США обязались “предоставить КНДР формальные гарантии того, что они не прибегнут к угрозе или применению ядерного оружия”.

Со своей стороны, Северная Корея также нарушила свои обязательства.

Пять основных ядерных держав являются также постоянными членами Совета Безопасности ООН, где они решают судьбы миллиардов людей. Все они нарушают свои обязательства по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), направленные на то, чтобы ликвидировать ядерное оружие, предприняв для этого необходимые шаги. Мало того, что они нарушают свои обязательства по Договору, удерживая мир на грани ядерной пропасти, они хотят еще быть арбитрами для всех других. Правда, некоторые ядерные государства делают это с большим усердием, может быть из-за реальной конкуренции между ними.

С тех пор, когда 5 мая 1943 г. была выбрана первая ядерная цель, в истории появилось множество ложных утверждений о том, что ядерное оружие

может обеспечить мир и безопасность в силу своей абсолютной мощи.

Соединенные Штаты и Советский Союз едва не уничтожили друг друга и весь мир во время кубинского ядерного кризиса. Но после короткого периода надежд, которые дал миру Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, они продолжили расширять свои арсеналы.

Ядерное оружие часто использовалось для запугивания неядерных государств.

Ядерные бомбардировщики США были приведены в состояние боевой готовности и посланы в Никарагуа накануне организованного переворота в Гватемале в 1954 г., который в конечном итоге привел к гибели более 200 тыс. чел.

Ядерные угрозы играли свою роль в нефтяной политике, включая Ирако-Ливанский кризис 1958 г. Нефть и ядерное оружие являются сегодня “гремячей смесью” в центре мирового кризиса.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний США задвинули в дальний ящик, нарушив свои давние обещания. Ядерная бюрократия, пережив окончание “холодной” войны, нашла себе место в новой неопределенной и более общей войне. Теперь, по-видимому, она намерена испытывать или даже применять ядерное оружие в военное время. И это не взирая на то, что огромные количества ядерных материалов, накопленных в мире, могут привести к катастрофическим последствиям.

Многочисленные ядерные кризисы, включая потенциальные конфликты Индия-Пакистан, Северная Корея – США – Китай, а также инспирированный индуцированный терроризм, по-видимому, грозят поставить крест на ДНЯО. Ближний Восток, где растет беззаконие, насилие и озлобление, где не утихает Израильско-Палестинский

кризис, а Израиль располагает ядерным оружием, вскоре вполне может стать еще одной ядерной горячей точкой.

Мы никогда не сможем получить точную информацию о том, где находятся все ядерные материалы, пригодные для изготовления оружия. Например, в США Национальная лаборатория Лос-Аламос и Министерство энергетики расходятся в оценке содержания плутония в ее радиоактивных отходах. По оценкам лаборатории Лос-Аламос получается на 765 кг больше (это соответствует примерно 150 боеголовкам), чем по расчетам Министерства энергетики. Эта разница была замечена в 1996 г., но вопрос до сих пор не решен.

О точности учета оружейного плутония в России приходится только догадываться.

Вместо одного ядерного бомбардировщика над городом сегодня мы оказались перед угрозой получить в каждом грузовом контейнере ядерную бомбу, способную стереть город с лица земли

Но даже если мы бесповоротно уничтожим все запасы ядерного оружия – что и желательно, и технически возможно – все-таки технические знания, полученные во время испытаний, и чувство опасности останутся.

Иллюзорно полагать, что терроризм можно сдержать орудиями террора. Подобного рода оружие часто провоцирует желание обладать им. Политика сдерживания является главным двигателем ядерного распространения. Страх перед немецкой бомбой привел к созданию американской бомбы, которая, в свою очередь, привела к созданию советской и китайской бомб. Больше половины всего населения мира проживает сейчас в странах, обладающих ядерным оружием или являющихся со-

юзниками ядерной державы. В настоящее время 44 страны имеют техническую возможность создания атомной бомбы.

Когда прежнего премьер-министра Китая Чжоу Энь Лая спросили, что он думает об историческом значении Французской революции, он ответил: “Об этом еще слишком рано говорить”.

Махатма Ганди был не столь сдержан в высказываниях о Манхэттенском проекте и его последствиях в виде бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Осуждая “злодеяния” и “непомерные амбиции” японского империализма, Ганди предсказывал, что Соединенные Штаты однажды и сами могут столкнуться с ядерной угрозой: “Еще рано судить, что произошло с душой нации, совершившей эти разрушения ... Рабовладелец не может держать раба, не заходя сам или не посылая своего помощника в клетку, где содержится раб”.

Гигантская ядерная пропасть “холодной” войны сохраняется. К тому же, всемирный ядерный ландшафт обнажает обширные ледниковые расщелины.

Предложение Генри Стимсона о “правильном применении” атомной бомбы было ошибочным. Нет таких рук, в которых атомная бомба могла бы считаться безопасной. Сохраняется реальная опасность того, что в результате ошибки Соединенных Штатов или России значительная часть Земли за 15 мин. превратится в груды радиоактивных развалин.

Индия и Пакистан могут испепелить города друг друга – у них есть 5 мин., или даже меньше, для принятия решения.

В результате северокорейско-американской конфронтации ядерные взрывы снова могут прогреметь в Восточной Азии. Возрастает и угроза утечки ядерных материалов.

“Может быть, как это ни парадоксально, мы достигли такого состояния, когда безопасность будет здоровым ребенком террора, а выживание – близнецом взаимоуничтожения”, прокомментировал Уинстон Черчилль в марте 1955 г. во время дискуссии о водородной бомбе.

Но это с трудом можно определить как “безопасность”. Тем более ее нельзя назвать “здоровым ребенком” ядерного террора, в каком бы масштабе – глобальном или региональном – мы не рассматривали этот вопрос.

В так называемых марионеточных войнах погибли миллионы людей. Для них ядерный век принес смерть, а не безопасность, частично по той причине, что европейцы были слишком напуганы, чтобы сно-

ва воевать друг с другом. А насилие в марионеточных войнах продолжается. Конечно, проблема международного терроризма, который угрожает стать ядерным, это прямой результат некоторых из этих войн.

Представление о том, что атомные бомбы решают все, переключало из столиц цивилизации в пещеры Афганистана.

Со времен Хиросимы Манхэттенский проект стал символом блестящего успеха. Особенно это подчеркивается в Соединенных Штатах, где он воспринимается как технический триумф, объединивший в себе человеческий гений, административный опыт, денежные средства и неуклонное движение к цели.

Теперь часто можно услышать ставшее афоризмом высказывание: “Чтобы решить (здесь приводится формулировка сложной проблемы), нам надо организовать Манхэттенский проект”. И все же научный триумф – это еще не все. Без морального или политического видения, без перспектив для будущих поколений, он может привести к хаосу, насилию, а в случае с ядерным оружием и к уничтожению.

Страны, обладающие оружием террора – это не ответ на проблему террора.

Только всемирное движение за демократию, вдохновленное такими лидерами, как Ганди или Мартин Лютер Кинг, способно преодолеть насильственные и разрушающие основы ядерной эры.

Альберт Эйнштейн отметил необходимость изменений в человеческом мышлении, чтобы общество могло справиться с последствиями создания атомной бомбы.

Ганди показал, каким образом можно этого добиться: “Мы сами должны измениться так, как хотим, чтобы изменился мир”.

Примечания

¹ *Makhijani A.* “Always” the Target? Bulletin of the Atomic Scientists. May/June 1995. PP. 23–27.

² *Reid T.R.* Health, Safety Given Priority at Arms Plants. Energy Department Puts Production 2nd // Washington Post. 1989. June 17.

³ U.S. Joint Chiefs of Staff. The Evaluation of the Atomic Bomb as a Military Weapon. The Final Report of the Joint Chiefs of Staff Evaluation Board for Operation Crossroads (30 June 1947). Document number JCS/1691/7, Record Group 218, Modern Military Branch, National Archives, Washington, D.C.

⁴ Strategic Air Command, nuclear war briefing. March 18, 1954. Цит. по: David Alan Rosenberg. A Smoking Radiating Ruin at the End of Two Hours. Documents on American Plans for Nuclear War with the Soviet Union, 1954–55. International Security 6, no. 3, (winter 1981/1982). PP. 3–38.

⁵ *Makhijani A., Saleska S.* Nuclear Power Deception. New York: Apex Press, 2000.